

Михаил Ерёмин

(п. 1936)

Во мне живет растительная мудрость.
Она мои меняет очертанья
(Её рожденье в государстве мертвых,
В kraю, где непочаты причитанья),
Подобно почтальону-скороступу
Преобразует время в расстоянье,
Подготавляет, обогнав рассудок,
Мое земное воспроизрастанье.

1958

По-за кряквой ходит селезень,
То прищелкнет клювом плоским,
То крылом взмахнет, как сеятель,
Глазом ласковым поблескивая.
Камыши стволы топорщат,
Хороня утиный лаз,
Тают лапы гуттаперчевые
От учтивости и ласк,
Чтоб, живущий возле заводи,
Мальчуган нашел гнездо,
Чтоб яишенные завтраки
Подавала мать на стол.

1958

Сшивает портниха на швейной машинке,
 Подобно дождю, голубое с зеленым,
 Дождю, который окном изломан,
 Как лодкою камышинки.
 Гром за окном покашливает.
 Капли дождя к стеклу прилипают,
 Полузеленая каждая
 И полуголубая.

1957

— Небо залатаю, —
 Говорит с усмешкою
 Осень золотая,
 Щелкая орешками.
 Небо залатала
 Облаком-заплатою.
 Небо стало ало,
 А потом заплакало.

1955

Покуда солнце в мантии просторной
 Совершает красный выезд,
 Секач сохатого распорет,
 А росомаха внутренности выест.
 Тайга таит нетающие тигли,
 Костистой шкуры огненное варево.
 Упругие летающие тигры
 На водопьющего оленя сваливаются.

1958

Victoriae nuntia

Лицо четвертованное, бескровленное,
Чернокнижное, чернооспое,
Продырявленное фотографиями воинов,
Словно казнимая грудь матросская.
Пулеточные строчки вытянулись,
Ими белое лицо опекаемо,
Очевидное, очень выдуманное,
Протяжное, покупаемое.

1958

ПАЛАЧ. Эй, ты, не трусь,
 Не страшно умереть,
 Я сам неоднократно умирал.

КАЗНИМЫЙ. И что же?

ПАЛАЧ. Как что? —
 Я выяснил, что выгодней у плахи
 С мечом, чем без меча.
 Иначе
 Мяч головы покатится мечтать.

КАЗНИМЫЙ обезглавлен.

ПАЛАЧ. Кто следующий?

Проваливается в тартарары.

НАРОД (Ропщет). Ему бы жить и жить.

1958

Будет куплена новая мебель

МУЖЧИНА. Мой дом всегда боялся привидений,
 И потому
 Чердак не выстроен,
 Подвал не вырыт.

ЖЕНЩИНА. Мне нравится твоя большая мебель.
 Комод,
 Который подобрал сюртук,
 Вчера валявшийся на подоконнике.

МУЖЧИНА. Ты видишь,
 Дом не достроен.
 В таком боятся
 Селиться шорохи, скрип половиц и вздохи.

ЖЕНЩИНА. И шкаф, который
 Так бережно несет хрусталь,
 И стол озябший,
 Укрытый бархатом.

МУЖЧИНА. И лишь камин порой служил лазейкой
 Для шопота
 И завываний.

ЖЕНЩИНА. И люстра,
 Такая нежная, звенящая, как будто
 Над нами кто-то ходит
 И трогает ее прозрачные одежды.

МУЖЧИНА. Старею и уже не помню, чья походка.
 Единственное,
 Что неподвластно смерти.
 Единственное вечное — походка.

ЖЕНЩИНА. И зеркало,
 В котором стол упал на спину,
 Задрав резные выпуклые ноги.

МУЖЧИНА. Я знаю —
 Ты ждешь,
 Ты скоро будешь
 В моем усталом доме
 Хохочущей по пустякам хозяйствкой.

Строитель первого в мире моста
К месту строительства бревна таскал и доски,
Ладил настил, а потом настал
Час первой повозки.
Плотник локти положил на перила,
Трубкой украсил довольное лицо,
Выплеснул на рубаху бороды белила,
И стало мостостроение ремеслом отцов.

1958

Радоваться цепкости изгороди,
Изворотливости осенней осины,
Вывих ивы воспринимать как искренность,
Выраженную узлом древесины,
Казниться, неосторожно коснувшись
Лесных ресниц росистых,
Часами стоять и прислушиваться —
Значит быть лесничим российским.

1958

Боковитые зёрна премудрости,
Изначальную форму пространства,
Всероссийскую святость и смутность
И болот журавлиную пряность
Отыскивать в осенней рукописи,
Где следы оставила слякоть,
Где листы, словно платья луковицы,
Слезы прячут в складках.

1957

Терлось тельце телка
Об устойчивые стены стойла.
Нос коровий тельца толкал,
Выводил на пустырь просторный.
Теленок вышел из коровника,
Стадности не стыдясь, пересек пустырь
И нежился в поле пестрым курортником,
Жил, пережевывая стебли и лепестки.

1958

Роскошно скошен луг.
В среде ромашек инфантилен,
Как мяч, попавший под каблук,
На щуку жалуется филин.
Полукошащий организм
По-птичьи кутается в слякоть,
А щука дремлет, как карниз,
И поворачивается под лапой.

1957

Сохатый крест рогов, как идола,
Возносит над кустарником,
Корову не выигрывает, а выпиливает
Из самых нежных мышц соперника.
Гудит в юдоли трубный рог
И ранит бок до соли.
Вдыхают важенки пригожие
Жестокий запах отца и сына.

1959

Л.Лифшицу

Переплавил не в золото — в никель
Рыжий алхимик снега.
На небе, как в Голубиной книге,
Еврейская грамота березняка.
Равнины черны как раввины,
Заполнены реки щепой от весла,
В совиных глазницах овинов,
Как мышь, зашуршала весна.

1957

Поить вином господним
Каравая губку,
Укрывая скатертью косматой
Плечи жертвенника гибкого;
Оставлять на полотенце розовые
Отпечатки губ, съедобные;
Огорчать живущих ниже Господа
Сытым топотом.

1959

Гребни волн косили человеческие волосы.
Глубокий шар гудел под кораблём.
Постукивали голые матросы
Углами тел о внутренности трюма.
На палубе точили брови друг на друга.
Боцман Q свел с капитаном тет-а-тет.
Отслужили изгнание из реи злого духа
Отцами судового комитета.

1960

*Воздушные шары.
Л.Виноградов*

Звук заключен в морскую раковину.
 Бычий рог припал как плод к стволу бочонка.
 Над морем ухо, как серыгу коралловую,
 Раскачивает гибельный фонарь на тонкой бечеве.
 Шар воздуха сопутствует паденью
 Солнца вдоль женщины,
 Чье тело не колоколом, а плотиной
 Пеструет звон большого кораблекрушенья.

1959

Полночно светтение бухты-барамахты,
 В бархатных шкурах тюленей утешные игры,
 В утолении губных гармоник кисельные берега,
 Вытеснение бёдер бёдрами из окружности рук,
 Голени вынашивают скованность окуня,
 Истекающего икрой,
 Роскошное тело распахнуто словно огниво,
 Под секирой остриё искры боговой.

1959

Лань изорвала пальчиковыми копытами
 Мышинопись на листопаде, сбив лису со следа.
 Изрыли угловатые кабаны
 Узлы подземных кладовых.
 Кроты и корни выпали из почвы.
 Пожелтели лесные пригоршни и впадины.
 В кустарнике околесицы незрячий почтальон
 Теряет письма на когтях шиповника.

1960

Ткань иволги, деленная на клетки птицелова,
В палых листьях спелый ствол гадюки,
По капле цапля в пруд стекает с клюва,
В паутине зеркала различимы слезки-гвоздики,
Зябости не кончиться ни вечером, ни днем,
В ягоду западает иголочка-колючка,
Фигура любви расщепляется ножом
Надвое, как логово моллюска.

1959

Золотое перышко выпало из облака,
Словно колечко из наволочки.
Бабушкины сумерки в окна заболоченные
Барабанят острыми ягодами волчьими.
Над крыльцом опята эоловой цепочкой.
Ноги светлым мячиком по ступенькам спрыгивают,
Каждая туфелька по добна красной шапочке,
Лукошку с белыми подарками.

1960

Тоннели нитей очернили ткань
Прощением клейма скорбящей стрелочницаe.
Открытый самовар праздничного полустанка
На рельсы уронил глубокие тарелки.
Ответность за колесование на путях
Уходит в плечи корневищем шпал.
На леденцовой насыпи толпятся пастухи,
Молочносахарные наполовину.

1960

Волн лица цветенье водорослями,
От уха до уха лиловая ладья.
Для добычи жемчуга выдрессированы
Дети, не доросшие до ношения платья.
Влажные ноги в черных наконечниках,
Лежбище локтей на отмели вытянутой,
Охраняя бедра шкурой русской гончей,
Белой женщине покачиваться на губах островитянина.

1959

Двуглавье плеч венчает храм скорбящих.
Соболью пряны тигли локтевые.
Как белое крыло к бедру припавший лик
Храним грудной коробкой скоростей.
Яблоневым куполам подобные колени
Погружены в сплетенье трав.
Возвышенное над крыльцом творенья
Объято порослью распятие планёра.

1960

Жук, возносимый призрачными волнами,
Желудки растений на коленях валунов,
Тундра, не тронутая тропами,
Возникают по ту сторону крыльца.
Плавают неживые окунь и караси
В аквариумных постройках икон.
Красивый отрок, словно лампу керосиновую
В ладонях вносит в дом окно.

1960

Яблоки, отображающие действительность
Утраченным художниками способом,
Нависают над крестьянской деятельностью
В неизбежности сезона Спасения.
Во имя распределителя объемов
Плоды теряют ощущение веток;
Их вырывают из листвы альбомов,
Как пожелтевшее фото.

1959

Печальный сезон многобожья,
Изломанность зонтичных над падшей травой,
Языческий плач чернобелых болот,
Из прозрачных деревьев створение терема,
Утренней церкви заоконное пение,
Стакан золотого заморского чая,
Свеча, обнаженная светом небесным,
И юная дева в преддверье плача.

1961

$k = 0$

И дробь це больших прожекторов
Стоящих валит с ног на тень.
Подобный обескиженной этажерке
Парит би-Планк над Т Ньютона,
Над часовыми, значительными, как пожарные,
Над живородящими тополями,
Над белковым покровом России,
Библиотекой и футбольным полем.

1963

Животные обуваются в снежные следы
 Или впадают в логово.
 Растения гонимы холдом
 В лабиринты корней и луковиц.
 Люди уменьшают до размеров обуви
 Присущие водоемам ладьи.
 Подо льдом, как под теплым небом,
 Фотолуг, фотолес, фотолето.

1962

Воздвигнутый в честь сотворенья вселенной
 Аккумулятор воли растенья
 Хранит в тайниках древесины
 Нуклеин дохристовых распятий.
 Полон святости нерукотворной
 Биохрам от корней до купола.

Тих и светел в белой колыбели,
 Внемли древу Бога, ребенок.

1962

Еще сомкнуты веки растений.
 Нежидкий пруд. Неловкий челн.
 Фебруарийский след саней
 И азбука подков на перфоленте.
 Видением весеннего окна
 Не заслонить камина,
 И юной девой сброшенная ткань
 Имеет форму платья для зимы.

1964

Над сквером дом — букет вечерних окон.
Собор от мира сквером огражден.
Лист золотой намотан, словно локон,
На ту же ветвь, которой был рождён.
Осенний день, на грех и слезы падкий,
Молчанье и раскаянье поймет,
Оставив пепел от письма в лампадке
И в медальоне дьявола помет.

1972

A. Еремину

Вернуть Создателю дары
В прозрачности ретиновой обертки:
И сеть валежника, в которой
Плененная трепещет пустота,
И антикупол с небом жидким,
И антикубок муравейника
С его поверхностью бегучей,
Корпускулярно-волной.

1972

*Течет меж градом река быстрыми струями,
В пространно тричисленны впадая устами
Море...*

A. Кантемир

*

Люблю грозу в начале мая
Ф. И. Тютчев

Дождем омыты уличные жабры.
Насторожились лепестки и нити.
Гром-way резвится пасынком грозы,
По тимпанальной коже барабанит.

Топорщит акварельные ресницы
 Фасеточная колея — весенний клин,
 Лоскут былого рукодельного наряда,
 Базальтовой культуры манускрипт.

1972

*

*Одна заря сменить другую
 Спешит...*

A. С. Пушкин

В городских садках сирени нерест.
 Саженцы шалеют от безночья.
 Тополи собой являют ряд
 Превращений от скопца до роженицы.
 Нет двоякодышащим деревьям
 Полной кислорода темноты,
 И ползут на ощупь в белый свет
 Ветви их подобно дендробенам.

1972

*

*Зрю кумиры изваянны...
 Г. Р. Державин*

Едва ль не самый достославный
 Подобен медной орхидее
 С чешуйчатым воздушным корнем,
 Изгибистым и ядовитым.
 Как между префиксом и суффиксом,
 Змея меж петро¹ и Петром. Вечнозеленый —
 Не хлорофилл, а $\text{Cu}_2(\text{OH})_2\text{CO}_3$ —
 Вознесся лавровый привой.

1972

¹ πετρος — скала.

Беглец есть храм, подобный храмам
Таким как осень, храм Спасителя²
И повесть про девицу Машу.³
Бежать вражды и лжи, бежать России,
Бежать грехов гордыни и суда,
Чтоб наизнанку, словно рукавицу,
Темницу вывернув, припасть к стопам Того,
Чей храм сердца людей.

1974

Задуманная как белоснежная лента,
В пятнах мазута, бензина, солярки
Дорога как сплющенный ствол березы,
Местами как раздавленная сорока.
Сутроны, утратившие кошачьи повадки,
Не крадутся, не притаились, не обернутся заносом,
Мост не прыжок, а шаги под марш, и только
Полынья еще вздрагивает, как засыпающий окунь.

1974

T. Зубковой

От ливня отставшие капли бежали
В траву из листвы. Берег выполз на солнце.
А Каин и Авель, уток и основа,
Над отчим заливом сплетались в грозу.
С промокшую птицею в пасти осина
Отряхивалась, словно протоспанель.
Прекрасная ясень качала над нами
Крылатых, еще неземных близнецов.

1973

² К. А. Тон.

³ А. С. Пушкин.